

Проблемы роспуска территориально интегрированных империй. Егор Гайдар

Отрывки из новой книги доктора экономических наук директора Института экономики переходного периода Егора Гайдара «Гибель империи, уроки для современной России», вышедшей в издательстве «Российская политическая энциклопедия», были опубликованы в сентябрьском номере «Вокруг света». Предлагаем читателям нашего журнала продолжить знакомство с книгой.

В территориально интегрированных, многонациональных империях проблемы, связанные с расселением этносов, возникающие в ходе дезинтеграции империй, стоят острее. Это

хорошо видно по опыту империй, рухнувших во время Первой мировой войны: Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской.

То, что имперские правительства дали оружие в руки миллионам крестьян, отнюдь не всегда лояльных к власти, послали их на годы в окопы, не удосужившись объяснить им необходимость войны, делало сохранение империй задачей трудноразрешимой. Поражение, крушение старого порядка, территориальная дезинтеграция были взаимосвязанными процессами.

Картина анархии, порождаемой крахом империй, хорошо известна по книгам и фильмам, посвященным Гражданской войне в России. Но это отнюдь не русская специфика. Вот как описывает реалии времени, связанного с крахом Австро-Венгерской империи, один из современников: «Зеленые компании (банды дезертиров) превратились в банды грабителей. Села, замки и станции брали штурмом и грабили. Железнодорожные пути уничтожали. Поезда держали в очереди, чтобы их ограбить. Полиция и вооруженные силы присоединялись к грабителям или были бессильны противостоять им. Вновь обретенная свобода вставала в дыму сожженных домов и сел».

Опыт расформирования империй после Первой мировой войны важен для понимания тех проблем, с которыми мир столкнулся в конце XX века. После краха авторитарного режима возникает политический и социальный вакуум. Полиция старого режима ушел, нового еще нет. Возникает ситуация, характерная для великих революций: слабое правительство, не способное собирать налоги и выплачивать деньги тем, кто их получает из государственного бюджета, обеспечивать порядок и т. д.

В таких условиях эксплуатация простейших общественных инстинктов — надежный путь к политическому успеху. Скажешь о национальном величии, несправедливости по отношению к собственному этносу, имевшим место в истории, заявишь о территориальных

претензиях к соседям — и политический успех обеспечен. При слабости демократических традиций и политических партий радикальный национализм, апелляция к национальным обидам, поиску этнических врагов, которые во всем виноваты, — надежное оружие в борьбе за власть. Австро-Венгрия 1918 года — классический пример использования подобного политического инструментария лидерами этнических элит империи. Даже накануне крушения империи пангерманские круги в Австрии категорически возражали против ее трансформации в федерацию. Выражавшая их взгляды влиятельная газета «Нейе Фрейе прессе» за несколько дней до распада режима писала: «Немцы в Австрии никогда не позволят раздробить государство, как артишоки».

Польский поэт А. Мицкевич за 100 лет до краха Австро-Венгерской империи писал, что в ней 34 млн. жителей — и лишь 6 млн. немцев, держащих остальные 28 млн. в подчинении. Австро-венгерская элита, понимавшая хрупкость империи, пыталась сохранить ее, разжигая противоречия между подконтрольными народами, создавала ситуацию, в которой венгры ненавидят чехов, чехи — немцев, итальянцы — и тех, и других. Когда крах империи стал неизбежным, взаимная вражда сделала национальные проблемы в странах-наследницах труднорегулируемыми.

Выдающийся демограф А. Вишневский пишет: «У украинского сепаратизма в его споре с более умеренным федерализмом был тот же могучий помощник, что и у всех других российских сепаратизмов, — имперский великодержавный централизм. Его жесткая, не признающая никаких уступок позиция постоянно подталкивала к ответной жесткости украинских требований. Когда русские патриоты, признавая украинцев частью русского народа, не желали ничего слышать об украинском языке, они расписывались в своем стремлении закрепить эту ущербность, второсортность навсегда».

Важнейшей темой в венгерской политической агитации 1918 года была недопустимость утраты статуса привилегированной нации в Австро-Венгрии. Ключевой сюжет хорватской агитации — неприемлемость венгерского доминирования и территориальных претензий Венгрии к Хорватии. Для австрийских немцев важнейшая проблема в это время — судьба части Чехословакии, населенной судетскими немцами, для Чехии — сохранение территориальной целостности.

Эти конфликты трудноразрешимы на рациональном уровне. С точки зрения рациональности невозможно объяснить: что важнее — сохранение целостности Богемии или право судетских немцев на присоединение к Германии? Как быть с венгерскими меньшинствами в Югославии и Румынии? В относительно мирном разрешении этих противоречий важнейшую роль сыграла оккупация важнейших спорных территорий бывшей Австро-Венгерской империи войсками Антанты. Но и в этом случае не обошлось без вооруженных конфликтов. При крахе других территориально интегрированных империй развитие событий пошло более кровавым путем.

К 1870 году на большей части будущего Болгарского государства мусульмане, турки, болгароязычные помаки, переселившиеся из России крымские татары и черкесы не уступали по численности православным болгарам. На протяжении последней четверти XIX — первой четверти XX века из Болгарии, Македонии, Фракии в Западную Анатолию переселилось несколько миллионов турок. К 1888 году доля мусульман в населении Болгарии снизилась примерно до 1/4, а к 1920 году составляла 14%. Сходные процессы происходили в 1912—1924 годах в Македонии и Западной Фракии.

Окончательный демонтаж Османской империи стал результатом ее поражения в Первой мировой войне. Лидеры турецких националистов в январе 1920 года были вынуждены признать право территорий империи, в которых доминировало арабское население, на самоопределение. Но они настаивали на сохранении целостности турецкой метрополии. За крушением Османской империи последовала Грекотурецкая война. В ее основе — спор вокруг границ будущих государств. Победа в войне стала важным фактором легитимации нового турецкого государства, позволила сравнительно безболезненно ликвидировать в

1924 году мусульманский халифат. Однако и здесь при первых попытках демократизации, предпринятых в конце 1920-х и начале 1930-х годов, легализованная оппозиция сразу начинает эксплуатировать ностальгические чувства по халифату, мусульманским ценностям и утраченной империи.

Имперская миссия в Азии — важнейший элемент национальной самоидентификации России в XIX веке. Достоевский пишет: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Создалась бы Россия, которая бы и старую бы возродила, и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила». Но территориальная экспансия, включение в состав империи территорий, населенных народами с принципиально иными традициями и языками, создавали риски при любых признаках кризиса режима.

Гражданская война в России не носила чисто национального характера, в ее разворачивании была сильна идеологическая и социальная компонента. Вопрос о собственности на землю, продрозверстке играли в ней не меньшую роль, чем национальный фактор. И тем не менее национальную проблематику в нашей истории 1917—1921 годов недооценивать нельзя.

Россия — уникальное государство, сумевшее в 1918—1922 годах восстановить рухнувшую империю. Для этого потребовалось использовать насилие в беспрецедентных до этого масштабах. Но важным фактором успеха большевиков было не только это. Мессианская коммунистическая идеология, позволившая сместить центр политического конфликта от противостояния этносов к борьбе социальных классов, заручиться поддержкой части населения нерусских регионов, поднять ее на войну за победу нового общественного строя, открывающего дорогу к светлому будущему, сыграла немалую роль в формировании Советского Союза в границах, напоминающих те, которые имела Российская империя. Это было уникальное стечение обстоятельств. Больше в XX веке повторить подобное не удалось никому.

На исходе Первой мировой войны идея права наций на самоопределение была принята европейским истеблишментом, закреплена в принципах, заложенных в основу Версальского договора. Это был способ демонтажа Германской, Австро-Венгерской, Османской империй. Авторы документа явно не думали о долгосрочных последствиях пропаганды сформированных в нем идей для других европейских империй.

В октябре 1914 года Ленин выступил в Цюрихе перед социал-демократической аудиторией с речью «Война и социал-демократия», в которой противопоставил положение украинцев в России и в Австро-Венгрии. Он говорил: «Украина стала для России тем, чем для Англии была Ирландия, она нещадно эксплуатировалась, ничего не получая взамен». Ленин считал, что интересы русского и международного пролетариата требуют завоевания Украиной государственной независимости.

Он не отказывается от принципа самоопределения наций с правом на отделение и после захвата власти, когда многое из того, что он проповедовал до революции (свобода слова, созыв Учредительного собрания) было забыто. Вопрос, почему именно это осталось частью политического катехизиса Ленина, широко обсуждается и вряд ли когда-нибудь будет решен окончательно. Вероятно, ключевую роль сыграло то, что он, всегда рассматривавший развитие событий в России в контексте подготовки мировой социалистической революции, понимал, насколько сильным средством дестабилизации государств его времени мог стать радикальный национализм.

Выше мы уже говорили о важнейшем отличии краха территориально интегрированных империй от распада заморских империй, состоящем прежде всего в том, что в последних переселенцы могут вернуться в метрополию.

В территориально интегрированных империях ситуация сложнее. Здесь речь идет не о переселенцах, приехавших в заморские территории одно-два поколения назад, а о людях, отцы и деды которых жили на том же месте, рядом с другими народами на протяжении веков. О миллионах тех, кто воспринимал себя по меньшей мере равноправными гражданами страны, а нередко и привилегированным сословием. Когда империя рушится, представители метрополии иногда оказываются национальным меньшинством. После краха Австро-Венгерской империи свыше 3 млн. венгров оказалось в положении национальных меньшинств в соседних государствах-наследниках: 1,7 млн. — в Трансильвании, отошедшей к Румынии, около 1 млн. — в Словакии и Закарпатской Руси, вошедшей в состав Чехословакии, примерно полмиллиона — в Воеводине, отошедшей к Югославии. Почти 5 млн. немцев превратились из представителей господствующей нации в австрийской половине Австро-Венгерской монархии и ряде восточных областей Германской империи в национальные меньшинства в Чехословакии, Польше и Италии.

В основе политической идеологии движений, задача которых — обретение национальной независимости, разрушение империи, нередко лежит эксплуатация чувств, направленных против ранее доминировавшего этноса. Это не та политическая конструкция, при которой можно ждать политкорректности в отношении тех, кто принадлежал к привилегированной нации. Этим во многом объясняется и поддержка идей радикального национализма меньшинствами, ранее представлявшими метрополию, в новых, ставших независимыми странах.

Югославская трагедия

В конце XX века Югославия стала одним из государств, история которого демонстрирует проблемы, связанные с демонтажом территориально интегрированных империй. Она распалась практически одновременно с Советским Союзом. Произошедшее в этой стране важно для понимания развития событий в СССР в конце 1980 — начале 1990-х годов.

Югославия, разумеется, не была великой державой, империей в классическом смысле этого слова. Но некоторые черты государственного устройства страны, начиная с момента ее создания в 1918 году, делают ее похожей на империю. И при династии Карагеоргиевичей, и при коммунистическом правлении это было государство с авторитарным режимом, состоящее из этнически разнородных, но территориально интегрированных частей.

Сама идея создания Югославии как содружества южнославянских народов начала обсуждаться на рубеже 1830— 1840-х годов. В конце Первой мировой войны и национальные лидеры южнославянских народов, и руководители государств Антанты пришли к выводу, что обеспечить стабильность на Балканах, предотвратить локальные войны лучше, создав государство, базой которого должна стать Сербская монархия.

После Второй мировой войны в Югославии у власти относительно мягкий авторитарный коммунистический режим с необычной конструкцией. Сербы — самый многочисленный народ в стране. Столица страны там же, где и столица Сербии. Отсюда неизбежное доминирование сербов в органах власти, армии. При этом на протяжении десятилетий глава страны — хорват, понимающий необходимость борьбы с сербским национализмом. Политика И. Тито была направлена на минимизацию рисков, связанных с попытками трансформации Югославии в сербскую империю. Чтобы подобного рода конструкция была устойчивой, необходимы были авторитет и воля лидера, способного противостоять

Гитлеру в 1941—1945 годах и Сталину в 1948—1953-х. После смерти Тито Югославия постепенно погружается в экономический и политический кризис.

Как только исчез стержень, суть которого — готовность центральной власти применять любой объем насилия, Югославия становится неуправляемой. Те установления, которые могли действовать при сильной авторитарной власти, в том числе формально провозглашенное, но при И. Тито фактически не действовавшее право вето республик и автономных краев на решения, принимаемые федеральными правительствами, в условиях ослабевающей власти оказываются непригодными для управления страной.

На внутренние проблемы накладываются внешние. Важнейшим элементом сохранения стабильности Югославии в том виде, в котором она сформировалась после 1945 года, было ее положение как государства, контроль над которым по Ялтинским соглашениям не гарантирован ни Советскому Союзу, ни Западу. И. Тито умело использовал связанные с этим преимущества. После восстановления отношений между Москвой и Белградом, прерванных в конце 1940 годов, доступ к советскому и восточноевропейскому рынку, клиринговые соглашения со странами СЭВ способствовали росту югославской экономики. Условия, на которых Югославия могла привлекать западные кредиты, в то время были благоприятными. Если перевести ориентиры внешней политики Югославии этого времени на простой язык, они описывались старой русской поговоркой «Ласковый теленок двух маток сосет».

Концепция национальной обороны Югославии с конца 1940-х годов базируется на использовании противостояния двух военно-политических блоков в Европе для обеспечения безопасности страны. Югославское руководство понимало, что при нападении сил НАТО или Варшавского блока на ее территорию выиграть войну нельзя. Однако можно, организовав базу партизанского сопротивления, создать проблемы нападающей стороне и опереться на поддержку противостоящего блока. Отсюда ставка на военную подготовку резервистов, на концепцию вооруженного народа как основу национальной обороны, сыгравшую впоследствии немалую роль в развертывании югославского кризиса.

В 1989 году аналитики рассматривали Югославию как социалистическую страну, в наибольшей степени готовую создать полноценную рыночную экономику. В 1949-м югославское руководство начало консультации с Международным валютным фондом, затем провело реформы, направленные на формирование основ «социалистической» рыночной экономики. В 1955 году оно открыло границы для передвижения граждан и относительно свободной внешней торговли. Даже после непростого десятилетия 1979—1989 годов уровень благосостояния, возможность работы за рубежом, культурный плюрализм, казалось бы, делали Югославию очевидным лидером среди государств, прошедших социалистический период развития, имеющим серьезные шансы интегрироваться в клуб богатых европейских государств.

Крах советской империи в Восточной Европе, начавшийся в 1989 году, для Югославии означал подрыв позиций уникального участника баланса сил на Балканах. Политика М. Горбачева, прекращение «холодной войны», дезинтеграция Варшавского пакта и СЭВ в конце 1980-х годов меняют внешнеполитические и экономические условия существования Югославии. Она утрачивает преимущества державы, находящейся в ключевом регионе Европы, но независимой и от Советского Союза, и от НАТО. Крах торговли в рамках СЭВ наносит удар по югославской экономике. Другим вызовом оказывается утрата статуса привилегированного заемщика на международных финансовых рынках, по политическим причинам получающего кредиты на льготных условиях. Внутренние экономические проблемы вызывают начало кризиса югославской экономики.

Смерть И. Тито парализовала механизм принятия решений, касающихся налогов, бюджета, внешней торговли. Между тем накопившиеся проблемы, в том числе выросший внешний долг, требовали от федеральных органов власти действий, предполагающих, что

республики согласятся разделить бремя адаптации к ухудшившимся внешнеэкономическим условиям. Договориться о том, кто и в какой степени должен затянуть пояс, руководство республик было не готово.

Квалифицированное правительство А. Марковича в 1989 году пытается реализовать пакет экономических реформ, направленных на финансовую и денежную стабилизацию. Темпы инфляции, составлявшие в декабре 1989-го 50% в месяц, к маю 1990-го упали практически до нуля.

Концентрация власти на федеральном уровне была необходимой предпосылкой осуществления этой программы. Однако вся федеральная конструкция, выстроенная И. Тито, чтобы предотвратить превращение Югославии в Сербскую империю, не позволяла ее реализовать. Права федеральной власти, предусмотренные Конституцией, навязывать свои решения республиканским органам, были минимальными.

Вызванные жесткой экономической реальностью, направленные на спасение экономики страны, действия правительства А. Марковича запустили механизм политического кризиса, который привел Югославию к краху. Через два года страна перестала существовать. Ее территория стала местом кровавых межэтнических конфликтов, унесших десятки тысяч жизней, сделавших беженцами миллионы людей. Во время конфликта между Сербией и Хорватией погибли 20 тыс. человек, 200 тыс. оказались в положении беженцев, 350 тыс. получили статус перемещенных лиц. Во время боснийской войны погибли 70 тыс. человек, 2 млн. стали беженцами или были перемещены.

Со времени балканских войн 1912—1913 годов обсуждение взаимных территориальных претензий южнославянских народов было под неформальным моральным запретом. Это табу было нарушено лишь в годы, предшествовавшие Второй мировой войне. В условиях авторитарного режима этот запрет нередко подкреплялся жесткими политическими санкциями. Либерализация режима, демократические выборы 1990 года в республиканские парламенты сделали использование этого оружия неизбежным. Оно слишком политически эффективно, чтобы его игнорировать и при этом надеяться на успех в борьбе за голоса избирателей.

Важнейшим участником политического процесса, эксплуатирующим идеи радикального национализма, было руководство Сербии. Сербскую компартию в это время возглавлял талантливый, харизматичный, хорошо образованный, имеющий опыт работы в рыночной экономике С. Милошевич. Очевидная в конце 1980-х годов эрозия привлекательности коммунистических идеалов оставляет ему одну возможность сохранить контроль над политической ситуацией в Сербии — эксплуатация темы сербского национализма, ущемленного положения сербов в Югославии, проблем сербских меньшинств в Косово, Боснии, Хорватии. Набрать политический капитал в Белграде на теме искусственности границ республик в Югославии, определенных хорватом И. Тито, необходимости объединения сербов в единое территориально интегрированное государство в это время было нетрудно.

Черновой вариант документа об ущемлении прав сербов был подготовлен Сербской академией наук в 1986 году. Выдержки из этого документа, названного «Положение Сербии и сербского народа», появились в белградской газете «Вечерние новости» в сентябре 1986-го. Авторы статьи, содержащей комментарий к нему, уже тогда осознали, что речь идет о наборе идей, попытки реализации которых приведут к «братоубийственной войне и новым потокам крови». Обращение к чувствам национального величия и национальной угнетенности — ядерная бомба в политическом процессе стран, в которых старый режим идет к закату, а развитой системы демократических политических институтов нет.

Проблема молодых демократий, возникающих в полиэтнических странах, состоит в том, что лозунги, которые политически легче всего «продать» неискушенному избирателю,

будучи реализованными на практике, опасны. Возражать в Белграде второй половины 1980-х годов против того, что «Сербия должна быть великой» и что «мы нигде не позволим бить сербов», было задачей политически заведомо проигрышной. Продать на политическом рынке идею, что Сербия была и будет великой, что руководство республики никогда не даст обижать сербов в других республиках и автономиях, — легко. Если сербский лидер не займет эту нишу, неизбежно найдется политик, который сумеет использовать ее в собственных интересах. В мае 1989 года сербский парламент избрал С. Милошевича президентом. На референдуме в декабре того же года 86% избирателей высказались в его поддержку.

Нетрудно было предвидеть, что политики в Загребе, Любляне и Сараево с энтузиазмом подхватят эти лозунги, лишь заменив слово «сербы» на слова «хорваты», «словенцы», «боснийские мусульмане». С того момента как руководство Сербии согласилось принять программу эксплуатации идеи сербского национализма в качестве политико-идеологической базы, судьба Югославии была предрешена. Предъявив территориальные претензии к соседям, лидеры Сербии открыли дорогу к победе националистским лидерам в других республиках, использующим страх перед сербскими территориальными притязаниями. Войны в Хорватии, Боснии и Косово стали неизбежными.

25% сербов в Югославии жили вне пределов Сербии. Нетрудно понять, как пропаганда великосербских идей сказалась на отношении к ним в тех республиках, где они были национальным меньшинством. Ответом на великосербскую риторику и территориальные претензии к Хорватии стали репрессии против сербов, традиционно живших в этой республике. Ответ на эти репрессии — действия Югославской народной армии (младший офицерский состав которой в большинстве своем — сербы), направленные на защиту сербского меньшинства. А дальше — война.

В экономике конкурирующие политические партии соревнуются в том, кто пообещает больше благ избирателям. Инфляция, практически остановленная к концу весны 1990 года, к лету — осени вновь набирает силу. Впрочем, на фоне нарастающего политического хаоса это уже второстепенный фактор...

Роспуск империй в XX веке — составная часть процесса глобальных изменений, который называется современным экономическим ростом. Людям, попавшим в маховик истории, от этого не легче. Апелляция к их чувствам — сильное средство политической борьбы. Здесь можно вспомнить сталинское — «братья и сестры». В устах человека, погубившего миллионы сограждан, эти слова звучат кощунственно. И тем не менее это был политически эффективный ход. Такой же, как спекуляции на проблемах русских, оказавшихся за рубежами России, или обращение к постимперскому сознанию.

Историки и литераторы, разжигающие радикальный национализм, неприятие живущих рядом народов, напоминающие об исторических обидах, причиненных когда-то соплеменникам, должны понимать, что они прокладывают дорогу этническим чисткам и страданиям миллионов людей. К сожалению, даже свой опыт нечасто учит чему-то. Чужой — почти никогда. Но если мы не извлечем уроки из того, что произошло с нашей страной и другими империями в XX веке, то можем стать угрозой миру. Это самое страшное, что может случиться с Россией.